

ИЗ ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БЫТОВАНИЕМ СКАЗКИ (заметки собирателей)

Публикация В. В. Блажеса и Э. А. Ахаимовой

Н. А. Добролюбов, рецензируя известный сборник сказок А. Н. Афанасьева, писал: «...Нам кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы и всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку»¹. Этим советом Н. А. Добролюбова фольклористы давно уже руководствуются в собирательской работе. Разумеется, следовать совету Н. А. Добролюбова не всегда удается, но все-таки стремишься...

— Ты чей будешь?

— Приезжий я. Приехал из Свердловска за песнями и сказками...

— Из Свердловска? За сказками? Так ведь у вас в городе полно сказок, я сам ездил за ними.

— ??

— Ей-богу, старуха не даст соврать. Она и посылала меня. Ей как-то скучно стало. «Поезжай, — говорит, — Григорий, в Свердловск за сказками, привезешь — позабавимся». Я живо собрался. Приехал. И правда! Сказок-то горы, горы! На каждом углу продают и просят недорого. Я давай нагребать, полный мешок нагреб. Сам не мог на загорбок вскинуть, так один мужик пособил. Думаю, вот, мол, сколько потехи привезу старухе. А то недосмотрел, что мне мешок с дыркой попался. Пока домой тряса, все сказки вытряс. Пустой к старухе заявился, тыфу! Вот, парень, какое дело. А ты говоришь из города к нам за сказками приехал.

Так начался когда-то мой разговор с Григорием Логиновичем Разиным. Этот веселый старик уже давно лежит в земле. Остались рассказанные им сказки да спетые песни.

Г. Л. Разин родился и всю жизнь прожил на Урале. Работал в Тагиле и Невьянске на демидовских заводах, последние 20 лет

¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. В 9 т. Т. 3. М.—Л., 1962, стр. 237,

жил в Висиме. Мы встретились с Г. Л. Разиным в июле 1959 г., тогда ему шел 82-й год. Он с трудом передвигался по избе, плохо видел, — это был, даже по крестьянским понятиям, глубокий старик. Но какой же умный и веселый старик! Он пел частушки «с картинками», рассказывал о сплаве барок по Чусовой, про Ермака, о самодурстве Демидовых, он разыгрывал пришедших к нему студентов (я был с однокурсницей И. Рогалиной) — ему казалось

«чудным», что двое молодых людей приехали собирать сказки и старательно записывают его «вры». Подавляющее большинство песен, частушек, сказок и анекдотов, рассказанных Г. Л. Разиным, невозможно опубликовать — в них слишком много непристойных реалий. Для публикации я выбрал анекдоты о шуте Балакиреве, они явно составляют цикл, который можно условно назвать «Царь и шут».

Среди народных юмористических рассказов, анекдотов есть такие, которые стабильно бытуют уже в течение 2—3 веков. Это поражает, если вспомнить, что юмор всегда теснейшим образом связан с современностью, что у анекдотов быстро «вырастают бороды». В русском фольклоре к числу таких устойчивых относятся юмористические рассказы о Петре I и шуте Балакиреве. Цикл «Царь и шут» возник на устной основе в XVIII в.

Иван Алексеевич Балакирев, костромской дворянин, служил в Преображенском полку, затем был приближен к царскому двору, где он находился с 1724 по 1740 г. «без всякого особого назначения», как пишут авторы прошлого века. Они же отмечают остроумие И. А. Балакирева, его импровизаторский талант, любовь к каламбуру. В 1740 г. И. А. Балакирев «отпросился у императрицы Анны в свои деревни до осени и по случаю кончины государыни ко двору больше не воротился»¹. Однако имя Балакирева не кануло в Лету. В том же XVIII в. возникают анекдоты с его участием и быстро распространяются. Некоторые попадают в печать, в рукописные сборники. В 1839 г. в Москве вышло «Балакирева полное собрание анекдотов, шута, бывшего при дворе Петра Великого. Издание в пяти частях». Затем было немало лубочных изданий, которые имели «большой успех по части сбыта»².

Между фольклором и литературой никогда не было непроходимых границ: взаимодействие, взаимовлияние этих двух видов искусства существовало всегда и приносило ощутимые художественные результаты. Цикл «Царь и шут» — пример подобного взаимодействия.

В народных преданиях и сказках Петр I — большей частью, справедливый царь, патриот России, умный политик, труженик. В анекдотах Г. Л. Разина эти качества царя отодвинуты на второй план или вовсе не выявляются. Умнее, смекалистее Петра I и его

² П. Н. Петров. И. А. Балакирев. 1699—1763. — «Русская старина», 1882, т. 36, № 10, стр. 166.

³ И. Д. Сытин. Жизнь для книги. М., 1962, стр. 50.

приближенных оказывается, конечно, шут, который потерял реальные черты Балакирева. Г. Л. Разин ничего не знал о дворянине И. А. Балакиреве, фигура шута Балакирева в анекдотах во многом напоминает традиционного русского скомороха: он прикидывается этаким простаком-дурачком, незнаякой, чтобы через некоторое время восторжествовать.

1. У Петра I был любимец Меньшиков. Вот умер Петр, и Меньшиков за-бюрократился: выстроил себе дворец и приказал, чтоб шапку снимал каждый, кто идет мимо дворца. Выбился из грязи да в князи! Ну ладно. Балакирев пошел, шапку не снял. Меньшиков приказал посадить его в карцер. Отсидел месяц в карцере, вышел, шляпу надел и пошел мимо дворца. Меньшиков стоит на балконе, так Балакирев еще подмигнул ему. Меньшиков вызывает:

— Ты почему шапку не снимаешь?

— Алексашка, я ведь не в шапке, а в шляпе.

— Иди, больше не попадайся.

Изменил Меньшиков приказ: всем снимать шапки и шляпы, кто идет мимо моего дворца.

А Балакирев фуражку надел, пошел и не снял. Меньшиков видит такое дело, написал в приказе: любой головной убор снимать всем, кто идет мимо моего дворца. Сам сел на балкон, смотрит. А Балакирев надел свою шапчонку и ползет на карачках. Прополз мимо дворца, встал, пошел. Меньшиков его к себе затребовал:

— Почему шапку не снял, я ведь изменил приказ, сказано, что нельзя мимо моего дома ходить в любом головном уборе.

— Так я ведь не прошел, а прополз.

Пришлось отпустить шута.

2. Жена Петра I, Екатерина, говорит Балакиреву:

— Ты что же, Балакирев, свою жену мне не покажешь?

— Да куда ей, ваше величество! Она глухая, с ней и поговорить нельзя.

— Я смогу, буду громко говорить.

— Ладно, завтра приведу. Только ей громче кричать надо.

Пришел домой и говорит жене:

— Царица хочет поговорить с тобой, завтра поведу тебя к ней, только ты погромче ей кричи, она глухая.

— Ладно.

Назавтра привел жену к Екатерине. Оставил их одних, сам в коридор вышел. А в комнате крик поднялся, они-то орут друг дружке. Петр бежит сам не свой.

— Что за крик во дворце?

Балакирев около дверей стоит:

— Не надо заходить, ваше величество. Это наши жены беседуют.

3. Балакирев хочет грустный по дворцу. Петр замечает, что это, заболел Балакирев, что ли? Такой кручинный ходит.

— Болеешь, что ли?

— Нет, я хоть шут, а человек. А меня кто по уху потеревит, кто по носу щелкнет. Сделал бы ты меня начальником.

— Да куда тебе! Грамоты нет.

— Ну сделай хоть начальником над мухами.

— Ладно. Будь главнокомандующим над мухами.

— Нет, ты по порядку: указ напиши.

— Пойдем тогда в кабинет.

Пришли, Балакирев диктует: «Я, Петр I, император России и прочая, прочая, повелеваю назначить шута Балакирева над всеми мухами главнокомандующим. Он может их казнить, когда захочет и где захочет, без суда и следствия».

Петр написал, печать приложил.

— Вот это дело, теперь я — главнокомандующий.

Дело было летом, мух много. Балакирев хлопущку наладил, бегаёт по дворцу, мух хлещет. А тут был один боярин, он недолюбливал Балакирева. Вот

Балакирев намазал ему маленько шляпу медом. Тот надел, пришел к царю на обед, шляпу снял, на лбу мед. Мухи липнут к боярину на лоб, а Балакирея подбежал — раз хлопнушкой:

Бью без суда и следствия.

Боярин ругаться, ногами топать:

Такой-сякой, убью.

А Балакирев ему указ под нос сует:

— Царский указ выполняю.

4. Один раз Петр отправился на охоту. Артель у него из придворных, у каждого сокол. И шут Балакирев за ними увязался. У него сокола нет, ворону где-то спроворил.

Вот охоте конец, Петр смеется над Балакиревым:

— Ну как?

— Да никак.

— Ладно. Если ворона что поймает, пусть твоим будет.

Едут мимо деревни. Балакирев отпустил свою ворону, она — скок на одну избу, потом — на другую, на третью...

— Царь-батюшко, — говорит Балакирев, — ворона-то по избам посидела, каждую в когтях подержала. Моя ведь деревня?

— Так и быть, жалую. Не отступать же от слова.

Балакирев сразу богатый стал.

* * *

Летом 1966 г. фольклорная экспедиция университета обследовала селения по среднему течению р. Тагил. Раньше в этих местах было много хуторов. Жили большими семьями и маленькими деревнями (10—30 дворов). Сейчас многие из деревень уменьшились: люди перебираются в города или перевозят дома на центральные усадьбы совхозов. Так удобнее и с работой и с детьми — не надо отпускать их в интернат, живут в семье. До революции занимались в основном охотой, хлебопашеством. Мужчины часть года работали в лесу. «Зимой все мужики уходили в лес. В Верхотурье, а то и в Ивдель. С осени приедут вербовщики мужиков манить лес рубить. Все наймутся. Целую зиму дома нет ни мужика, ни лошади. Пока дорога, его дома нет» (из разговора с А. М. Черемисиной, 77 лет, с. Махнево).

Подходим однажды к д. Казанке (со мной было двое студентов), вдруг — дождь. Промокшие, стучимся в первый дом. Полна изба ребятишек. И старушка — Анна Петровна. Ей 74, хотя по виду много меньше, да и работает еще: сидит за ткацким станком. Сама босая, в легкой кофтенке. Студенты впервые видят, как ткуются половики. Рассматривают, спрашивают. Быстро наладили разговор, просим Анну Петровну припомнить песни.

— У меня детей было пятеро, их растила, да у сыновей девять внуков вырастила, да сейчас вот у дочери живу — тоже шесть внуков... На гулянья ходить было некогда, все дома, откуда я песни знать могу, — говорит она.

Ну коли так, переводим разговор на колыбельные песни, загадки. Вскоре она спела две коротеньких колыбельных, но загадки говорит отказывается:

— Зачем они вам, взрослым, это для детишек забава.

Приодится хитрить:

— Авы скажите, может, мы не отгадаем.

Анна Петровна смеется, отнекивается, что-то заявляет:

— Бт уговор: одну не отгадаете, так больше загадывать не буду. Чо это? Сыпь и концы за печь.

Мы быстро отгадываем. Анна Петровна немножко удивлена.

— Ану еще. Два раза родится, ни разу не крестится, он поет, а ему врят.

Отгадываем и эту, и следующие — Анна Петровна загадывает традиционные загадки, которые не раз уже приходилось записывать. Однако «погоня за вариантом» заставляет меня продолжать. Я нарочито быстро говорю отгадку, тем самым слегка подзадоривая стаушку. Да и она приняла игру. При каждой отгадке смеется, стеснительно прикрывая ладошкой рот — вот, мол, старая, втянула в забаву. Но чувствуется, что ей хочется и поставить втуник родских людей. И мы, чтобы дать старушке возможность достойн выйти из игры, заявляем, что не можем отгадать такую загадку

Выйду я на горицу,
Оснимаю телицу,
Кожу брошу, мясо брошу,
Сало съем.

Всег Анна Петровна «выдала» нам около 30 загадок. Совсем неплохо даже хорошо, ибо обычно пожилые люди знают по 5—7 загадк. Кроме того, А. П. Колобова рассказала сказку-загадку:

Жилабыла баба, была у нее дочь, невеста уж. Сосватались к ней три жениха, все ри добрые, кого выбрать, не знает. Думала-думала и надумала: «Не знаю, ког выбрать. Даю три дня сроку, достаньте подарок, чей лучше, за того и пойду». Вот женихи отправились. Искали-искали, нашли: один — волшебное зеркало, е наведешь — весь белый свет с краю до краю увидишь; другой достал паливное яблоко, его съешь — от любой болезни вылечишься, а третий достал тройу коней, сядешь на них — в момент доедешь.

Жении собрались, друг дружке подарки показывают. Первый волшебное зеркало изел — батюшки! Видно, что девушка лежит чуть живая, умирает совсем. Он живо на тройку, домчали, успели. Парень, у которого паливное яблоко, сирмил его девушке, она сразу оклемалась, здоровая сделалась. А за кого зауж выходить, не знает. Все подарки добрые: не было бы волшебного зеркала, тк не узнали бы про болезнь; не было бы тройки коней, так не успели бы доехат, не было бы паливного яблока, так и не вылечилась бы.

Пошел девушка к бабке-зачворенке. Так и так — рассказала, а бабка ей: «Которому парню подарок вернуть не можешь, за того и выходи». За кого она вышла?⁴

В эти же Алапаевском р-не в д. Турутино живет Иван Григорьевич Онышев. Сейчас ему 76 лет. Первый раз я с ним встре-

⁴ Редя сказка загадка. На Среднем Урале записана впервые. Напоминает арабскую казку о царевне Нуруннихар из «Тысячи и одной ночи». Встречается в славском сказочном эпосе. См.: Л. Г. Бараг. Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок (Систематический указатель). — В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, стр. 225; *Он же*. Из репертуара современных народных казочников. — В сб.: Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Уала. вып. 1. Уфа, 1974, стр. 104.

тился в июле 1968 г. Времени было в обрез, и я успел записать только 3 сказки, редко встречающиеся, — о Бове, Еруслане Лазаревиче, Протупее-прапорщике. Запомнилось, что Иван Григорьевич чуток к условности жанра, склонен к импровизации. Затем было еще две встречи: в январе 1969 и феврале 1970 г. От него записано около 40 сказок и легенд, народная драма «Царь Максимилиан», в которой он когда-то исполнял главную роль.

Свои сказки И. Г. Юнышев перенял от родственников и однодеревенцев. Любителем сказок был, например, его дядя, в избе которого постоянно вечерами собирались слушатели.

— Наберется целая компания, человек десять. Сядут кто на лавку, кто на кукорках. Часов до двенадцати сидят слушают. Даже из соседней деревни, из Балакиной, ходили. Если не дослушают в этот вечер, уходят, так предупреждают: «Завтра без нас не начинайте, дождитесь». Собирались большинство старики. Ну, отец мой, дядя, потом Акемтий Кириллович ходил, Григорий Яковлевич любил бывать, Данило Софронович; Анфиноген ходил, этот еще не старик — годов сорок; потом Кузьма Миронович... Помню, был сказочник Андрей Васильевич Королев. Много знал всяких-разных: про Муромца, Ивана-царевича, «Скрып-Ильич и Скок-Ильич» знал... Еще раньше в Турутино жил Митрофан Дормидонтович Юнышев. Знал и любил сказки. К нему тоже собирались слушать. Он делал кадки. В избушку, где он работал, придет народ — какая уж тут работа? Он садится на чурбак: «Буду рассказывать сказки, но не даром. По шепотке табаку давайте». Вот ему насыпают все по шепотке, большая горка получится. Он курит и рассказывает. Долгие сказки рассказывал. Бывало, одну начнет и за вечер не кончит, на другой уж день оставит. Все сидят-сидят, который заснет, захрапит. Акемтий Кириллович как-то заслушался, забыл, где у него трубка. Тут лежит трубка Андрея Васильевича. Акемтий Кириллович схватил ее и — в рот, а вот-то своя трубка. Две трубки курить начал! Смеху было...

Про себя:

— Я много рассказывал сказок до войны, когда был на лесозаготовках. Там ночи просиживали. Соберутся около моей койки человек двадцать: «Давай рассказывай». Я и рассказываю. Еще много рассказывал лет десять назад, когда внук Сережка маленький был. Он ведь у меня вырос. Любил слушать. «Дедушка, расскажи сказку». Нечего делать, рассказываю. У него любимая про солдата, он ее наизусть выучил, а все равно за ней гонялся.

...Шел солдат домой со службы, зашел к одной старухе:

— Бабушка, покорми.

— Ой, да нечем. Сирота я. Сыночек на службе, больше никого нету.

— А как зовут? Может, я знаю его?

— Петр Петрович Петуханов.

— Ну, слышал, слышал, как же!

Старуха, видишь, посмеивается — у нее петух в печке варится. Но и солдат промаху не дает.

— А где он у тебя служит?

— Вуршинском уезде Печинской губернии.

— К же, знаю, знаю...

Посили маленько. Солдат выглянул в окошко, кричит:

— Ба, гляди-ко, у тебя корова со двора побежала.

— Кт ее лесной понес! Догнать надо...

Метнись старуха из избы, а солдат полез в печь, вытащил из горшка пегуха, в яку себе спрятал. В горшок лапоть засунул. Сидит, ждет старуху. Вернула старуха, а солдат:

— Я бе, бабка, вот что скажу. Сына твоего перевели служить в город Сумино, на его место прислали Плетуха Плетухановича Лаптева».

Иван Григорьевич отдает предпочтение сатирическим сказкам, хотя знг и волшебные. Ему больше нравятся находчивые солдаты, умн поповы работники, чем фантастические персонажи. Причем традиционный солдат выглядит в сказках Ивана Григорьевича скор как обычный крестьянский парень. Он все умеет: косить, жать, п из топора варить, дорогу в лесу ночью найти, моментально тесать из дерева саблю и ножны, с одного взгляда определить чества лошади... Это мастер на все руки. Идеальный крестьян. Причем настолько идеальный, что даже чисто женскую рату он выполняет быстро и сноровисто. Старуха, ленивая и шеряивая, просит солдата:

— Ты мне, сынок, еще квашню наладил. Раньше она у меня добрая была, по зять ковриг с одной квашни выпекала, а сейчас только одну-две.

— Н-ко квашню, посмотреть надо.

Прина старуха квашню, а она у нее до того не обихожена — вся в за-сохшем те. Она ее, видишь, никогда не мыла, тесто и насохло внутри.

— Тс, старуха, баню, — приказывает солдат.

Она юпила, он пошел в баню, начал парить, потом скоблить. Отскоблил, отчистил, инес старухе. Она тесто поставила, на другой день печь хлеб начала. Десяковриг сразу вышло. Радуетя старуха:

— Мудец, сынок! Наладил мою квашню.

— Дй, старуха, за работу пять ковриг.

— Вми, за работу не жалко.

Солд-умелец привлекателен и тем, что всегда может постоять за оя, за честь своего друга-товарища, даже за ефрейторскую жу. Вот везет он жену ефрейтора по столице, а навстречу Екатери, жена Петра I, едет. Царский кучер кричит:

— Слачивай!

А солт:

— С:сворачивай! Кого везешь?

— Еюрину, а ты?

— Жу ефрейтора, а ефрейтор — первый чин в армии.

Екатна как услышала, высунулась из окошка:

— Раервый чин, сворачивай.

Кресянский парень-солдат в сказках Ивана Григорьевича Юныше всегда остается полным сил. В других сюжетах встречаемся сем же крестьянином, только он уже старик, и живет он со своестарухой в маленькой избушке, и по-прежнему у него ничего т, главное, нет земли. Старик пытался верить в бога, да жизнь нчила: на бога надейся, а сам не плошай, поэтому у него со вси святыми простецкие отношения, ну, как с любым деревенским мужиком. И святого он называет «старым хрычом», попа обманывает, над попадией смеется — если заслужили. Может

быть, в последний раз старик пытается найти правду, уже не на земле — на небе и убеждается: нет правды для крестьянина, а выжить можно только за счет собственного ума и трудолюбия.

...Это было давно, еще при крепостном праве. Жили-были старик со старухой; жили они бедно: ни детей, никого у них не было, и земли имели, как говорится, корова ляжет, хвост протянет, так весь огородец их заляжет. А у них в деревне жил поп, у него целых сто десятин. Старик со старухой всегда в церкву ходили, старик-то часто у попа работал. И вот старуха говорит:

— Ты бы хоть сходил к батюшке, не даст ли он нам пашни. У него земли много, всю даже не засеваает.

— Я бы пошел, да ничего не выходишь: поп жадный.

— Может, смилостивится?

Пошел старик к попу. Приходит, как раз вышла попова работница.

— Батюшка дома?

— Дома.

— Доложи, что пришел старик Арефий по делу.

— Что докладывать! Заходи так.

Ну, старик зашел в переднюю комнату, кашлянул. Поп выглянул.

— Чего тебе, Арефий?

— По делу я.

— Ну, говори.

— Вот, батюшка, живем мы со старухой вдвоем, веруем, богу молимся, а в доме бедно. Земля у нас, как говорится, корова ляжет, хвост протянет — всю землю заляжет. А у тебя столько, что не засеваешь, дал бы нам, мы бы ленку посеяли, картошки посадили...

— Ишь что придумал! Земли ему! Много тут вашего брата ходит, вам всю землю раздашь, себе ничего не оставишь.

— Батюшка, я ж у тебя прислужничая: когда на сенокосе, когда жать пособляю. Нельзя ли как выделить мне землицы, а за мной на пропадет, приду работать, как позовешь.

— Нет, Арефий, ничего не выйдет.

Обидно стало старику.

— А где же, батюшка, правда? Ты молишься и мы со старухой тоже, у тебя земли много, а у нас нет. Где же правда?

— Ищи правду у бога, — говорит поп.

— Да как ж нему попасть-то?

— Это твое дело.

Ушел старик. Дома старуха дожидается.

— Дал поп земли?

— Отказал вовсе. Будем как-нибудь пробиваться.

Вот весна настала, старик посадил в огородец маленько гороху, картошки. А у него баня была покрыта дерном. Говорит старухе:

— Давай, старуха, посеем на бане репу.

— Верно, зря лежит земля.

Посеяли репу. На другой день старик пошел посмотреть — взошла репа; еще через день — в рост человека выросла; через неделю — до неба доросла и в небо увилась.

— Полезай-ко, старик, на небо да найди господа бога, — говорит старуха.

— И то верно.

Залез он по репе на небо, попались ему навстречу ангелы. Спрашивает у них:

— Как мне бога найти?

— Пойди в рай, там привратником служит апостол Павел, он тебя направит к богу.

Пришел старик к воротам рая, постучал. Вышел апостол Павел.

— Чего тебе?

— Бога хочу увидать.

— А есть у тебя просители?

— Где ж их взять-то?

— Ты кому молишься?

— Николе-чудотворцу.

— Вот и ходи его ищи.

Отправился старик. Мало и ходил, видит — идет седой старик, Никола-чудотворец, на иконе лакой же.

— Никола-чудотворец, мне бога надо увидеть, помоги. Я тебе молюсь, икона твоя в переднем углу и лампадку я все время зажигаю.

— Нет, старик, я за тебя не поручусь.

— Почему?

— А помнишь, в прошлом году ты овцу свою выпустил, и травы не было. Ты давай меня срамить: вот, дескать, говорят еще Никола с горсткой⁵, а он, старый хрыч, ничего не выростил. Помнишь, как ты меня костил?

Пошел опять к апостолу Павлу.

— Ну, где поручитель?

— Некогда ему, он что-то заболел, говорит: не могу.

— Ну а еще ты кому молишься?

— Илье-пророку.

— Иди его ищи.

Отправился старик. Мало и ходил, видит: едет Илья-пророк, на троих на огненных конях, о какой! Старик руку поднял:

— Стой-жо!

Остановился Илья.

— Чего тебе, старик?

— Поручись за меня, бога бы увидеть!

— Нет, не дам я тебе порученье.

— Как же это? Мы ведь со старухой тебе молимся!

— А помнишь, ты сено метал, и дождь пошел. Ты что сказал? Мол, не во время ездит старый хрыч, зря ездит, кошенину замочил.

Нечего делать старику, надо домой возвращаться. Подошел он к небесной дыре, в которую репа увилась, глядь — репы-то нет. Ее козы снизу подъели, она и пала. Горюет старик. А тут бес подвернулся.

— Дедушко, ты молишься, всяко срамишь бесов, а я тебе помогу, только ты меня не срами.

— Ладно, не буду больше.

Договорился старик с бесом, и бес написал ему записку будто от бога, чтоб поп земли дал две десятины.

Тут вышло так: бабы веяли вороха, а пелера прямо к небу шла. Бес свил из пелеры веревку, примерил, маленько не достает до земли. Еще мужик шел, большущую трубку курил, так бес из дыма свил веревку-то, надставил — в аккурат до земли вышла.

— Полезай, старик.

Полез он, да, видно, табак у мужика был худой, веревка напослед не выдержала старика, оборвалась, и упал он в Киселево болото. Да, в болото угондл, по горло там торчит, вылезти не может. А голова-то у него лохматая, в ней утка гнездо устроила, давай класть яйца. Волк унюхал, пришел есть яйца. Съел. А старик его за хвост словил, да как сухает! Волк дернулся бежать, старика-то вытащил.

Приходит домой, старуха блины печет, рассказал ей все, потом к попу пошел, подает записку.

— Батюшко, сходил я к богу. Вот записка от него и с печатью божеской.

Наделил поп старику земли. Он давай пахать, сеять, хлеб вырастил... Смололил, наварил браги, соседей созвал, угощает их.

В репертуаре И. Г. Юнышева преобладают сатирические сказки, сконцентрировавшие традиционный крестьянский критицизм.

⁵ В народе говорили: Егорий со щепоткой, а Никола с горсткой. То есть к 23 апреля (день Егория) трава мало выросла, а к 9 мая (день Николы) ее уже достаточно для скотины.

Главными объектами крестьянской сатиры всегда были поп и барин. Сказок и анекдотов про барина у И. Г. Юнышева нет, очевидно потому, что уральские крестьяне не знали в прошлом гнета помещиков. Когда в сказке сталкиваются царь и поп, последний достойно выходит из затруднительной ситуации. Народ высмеивал скудость, сластолюбие и прочие непривлекательные качества служителей культа, но и понимал умение церковников приспособиться к жизни. Поп глуп, когда имеет дело с работником, бравым солдатом, бедным стариком, а перед царем он выглядит иначе. Поп может заискивать, лебезить, но в конце концов все равно вывернется и оставит царя «с носом». А царь, еще недавно разгневанный, осыпает его милостями.

Именно такими оказываются взаимоотношения Петра I и церковнослужителей в одной из лучших сказок И. Г. Юнышева «Петр Первый и поп Семен». Сказочник контаминировал два широко распространенных сюжета и, не выходя за рамки сказочной условности, придал всему повествованию свежесть, оригинальность. По выразительности и идейному звучанию вариант И. Г. Юнышева не уступает опубликованным сказкам «петровского цикла». Стоит привести его полностью.

Это было давно, при Петре I. Петр любил дружить с солдатами. И вот дружил он с одним солдатом из Преображенского полка. Куда ни поедет, обязательно заедет к нему выпить анисовой водки. А у солдата жена была беременная, он просит Петра:

— Будь у меня крестным, как сын родится или дочь.

— Давай-давай, буду вовремя, только скажи.

Родился сын. Солдат обрадовался, поехал к Петру.

— Сын родился, ваше величество. Крестить надо.

— Давай крестить. Поезжай по попу, потом ко мне заезжайте, вместе и отправимся в церковь.

Солдат поехал к попу Семену. А у попа гости, пирует поп.

— Поп Семен, сын у меня родился, крестить надо.

— Сегодня выходной у меня, какое крещение? Да и гости собрались, не пойду.

— Ну что ты! Из милости прошу, соберись, быстро обернемся, ведь и у меня гости названы на крестины.

— Подумаешь! Важная птица — солдат! Завтра окрестим или послезавтра, подождешь.

Поехал солдат к Петру I, рассказал, а Петр:

— Черт с ним, с попом Семеном, поедем к другому попу.

Съездили, окрестили.

Поп Семен-то забыл уж, пока пировал, про солдата. А к нему на другой день приехал царский курьер.

— Поп Семен, тебя царь вызывает. Собирайся!

Собрался живо, отправился к царю. Зашел, низкий поклон сделал.

— Знаешь, зачем я тебя позвал?

— Откуда знать, ваше величество?

— А вот солдат у тебя вчера был...

— Не мог я, болел.

— Что ты врешь! У тебя гости были, пировал ты. Ты что сказал? Экая важная птица — солдат! А солдат есть первый защитник отечества. Я вот крестным у него согласился быть, сколько прождали тебя.

— Прости, ваше величество, в пьяном виде был.

— Это отговорки. Да и то: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

— Прости, ваше величество, — Семен на колени пал.

— Могу тебя простить, если отгадаешь три загадки. Первая загадка: сколько звезд на небе? Вторая: сколько я стою, какая мне цена? И третья загадка будет: когда явишься передо мной, то отгадай, что я буду думать. Явись через два дня. Если не отгадаешь, угоню тебя, где и Макар телят не пасет.

Поп Семен закручинился, пошел домой, думает: «Пропала моя головушка!»

Прервем сказку и обратим внимание на демократизм царя. Он очень привлекателен: солдата любит, проявляет заботу о нем, превозносит как первого защитника, гневается на попа-выпивоху. Поп Семен жалок в своем унижении. И раз он «закручинился», ясно, что ему не отгадать загадку, а чудесных помощников у попов в сказках не бывает. Кажется, близко справедливое наказание попа. Но когда царь наказывал церковнослужителя за наплевательское отношение к крестьянину или солдату?

Художественный вкус и определенность классово-позитивной позиции народного рассказчика с блеском проявляются в дальнейшем повествовании. Оказывается, у попа Семена есть двойник: тоже церковнослужитель, любитель выпить и с такой же внешностью. Двойник занимает место попа Семена, а в целом образ попа сразу становится широко обобщающим и как бы с двумя лицами.

Продолжим сказку.

А у попа брат был, дьякон Калистрат. Всегда приходил к попу Семёну просить денег на козушку. Вот и пришел он.

— Дай, братец, на козушку, опохмелиться надо.

— Иди-ко, не до козушки мне, у меня свои заботы.

— Какие еще заботы нашлись, что болтаешь?

А поп и дьякон близнецы были. Сойдутся, не различишь, который Семен, который Калистрат. Как Семен рассказал все Калистрату, он сразу:

— Давай выручу, вместо тебя поеду, царь не узнает, и все сойдет чисто. Ты за это напоишь меня и денег потом еще сто рублей дашь.

Семен рад, а на вино боится дать.

— Ты напьешься, не поедешь, что потом с тебя взять.

— Не хочешь, так уйду.

Тут попадьа стала подтыкать Семена:

— Дай, Семен, не скупись.

Поп Семен раскошелился.

— Только как ехать уже к царю, не напивайся.

— Тут аминь, в точности все исполню, — уверяет Калистрат.

Через два дня дьякон встал, для храбрости рюмочку вина выпил и отправился к царю. Приезжает. Его ввели — царь заказал страже, что придет поп Семен, пустить его.

— Ну отгадывать будешь, поп Семен? — спрашивает царь.

— Буду.

— Сколько звезд на небе?

— Миллиарды и миллионы.

— Врешь!

— Пойди да проверь.

Петр смеется:

— Ладно, пусть по-твоему. Ну а вторую загадку? Сколько я стою?

— Ты стоишь двадцать девять серебряников.

— Почему двадцать девять, а не сто или двести?

— Потому что Иуда Искариотский продал царя небесного Иисуса Христа за тридцать серебряников, а ты царь земной, так на один серебряник стоишь дешевле.

— Находчивый, ничего не скажешь. А о чем я сейчас думаю?

— Думаешь, что я поп Семен. А я дьякон Калистрат, его родной брат.
— Молодец! За то, что отгадал все, прикажу синоду провести тебя в попы, а брата оставлю в покое.

Побежал Калистрат к брату:

— Поп Семен, давай сто рублей.

Так поладили поп с царем. И Петр I совсем забыл про униженного чопом солдата. Привлекательность царя затусшевывается.

* * *

*

Последние пять лет фольклорные экспедиции университета обследовали северо-восточные районы Урала. В городах Туринске и Тавде, в селах Туринская Слобода, Красная Слобода, Таборы, в деревнях Тагильцы, Чандыри, Верхние Тормоли, Нижние Тормоли, Пальмино, Фунтосово, Оверино, Ермаково, Коржавино, Фалино, Благовещенское и других селениях, расположенных в бассейнах рек Тура и Тавда, мы постоянно сталкивались с белорусами.

Переселение белорусов на Урал было особенно интенсивным в начале XX в. В Тавдинском р-не, например, есть деревни, в которых белорусы составляют треть населения. Влившись в среду русских, они, конечно, усвоили многие черты традиционной народной русской культуры, но в то же время они помнят родные песни, некоторые обряды. А сказки, предания рассказывают такие же, как и их русские односельчане.

Когда я пришел к Станиславе Викторовне Мазалевской, она отказалась говорить сказки, ссылаясь на плохую память. Потом разговорилась.

— Меня десяти годов привезли из Белоруссии. Мать скоро умерла, а через год отец. Двенадцати лет сиротой осталась. Сиротам раньше какая жизнь? В монастырь да по миру, больше дорог же было. Я по людям жила. А у чужих жить — не по полю идти. Сделаешь хорошо — ладно, а что не так — дармоедка. У одного чалдона⁶ жила. Заданье давали: столько-то нажни, столько-то картошек накопай, со скотиной управься... А я велика ли была! Один раз пристала, не успела засветло за коровами сбежать, искала в потемках, не нашла. Пришла к хозяину, реву. А меня не то что накормить — спать не пустили в избу. Спала в ограде. Чуть свет — я в лес. Мужиков встретила, так и так, говорю, коров потеряла. Они мне, мол, не реви, коровы наверно на гриве за болотом залегли, колокольцев потому не слышать, сейчас коней поймаем и коров твоих выгоним. Правда, пособили коров найти. Пригнала их, а хозяин: «Вот хорошо, а покорми тебя, так еще сейчас бы дрыхла». Он, хозяин, кулак был и, как бык, здоровый. Потом, через много годов, при советской уж власти, его

⁶ Белорусы-переселенцы чалдонами называют русских, которые, в свою очередь, именуют белорусских переселенцев самоходами, объясняя: «Они своим ходом, пешком пришли сюда, потому — самоходы».

раскулачили. Хозяйка по миру ходила, а его куда-то услали. Помер он, где и могила, неизвестно. Вот отлились быку мои слезы. Ох-хо-хо, кто в сиротстве не бывал, тот и горя не видал.

Все свои сказки она делит на «чужие» и «мамины». Последние увоены от матери. Это сказки о животных: о проделках хитрой лисы, про плутого волка, храброго кота и т. д.⁷

Знает она также сказки о Снегурочке (именуя ее по-уральски Нюрой-Снегурой), о медведе — лиловой ноге, глиняном Иванушке, мачехе и падчерице, братце Иванушке и сестрице Аленушке и другие одноходовые волшебные сказки, которые обычно рассказывают малым детям. В общем, многолетняя жизнь «в няньках» сказалась на ее репертуаре.

С. В. Мазалевская повествует без особых отступлений от традиционной сюжетной схемы. Она не пытается додумывать сказку. Однажды заметила:

— Ты вчера ушел от меня, я долго вспоминала сказку про Марка богатого, никак не могла свести концы с концами.

— А вы начните рассказывать, может, вспомнится.

— Нельзя так-то: сказка-показка. Я небылую былицу вспомнила, хочешь?

— Рассказывайте, Станислава Викторовна.

— Ну вот, жили старик со старухой, было у них три сына. Старуха богу душу отдала, и пришлось старику одному растить сынов. Кормит их, поит, а работать они не хотят. Он им: «Хватит на печи сидеть, идите работать», а они в ответ: «Докормил нас до ног, докорми и до усов». Мало-долго выросли у них усы, старик: «Усы выросли, идите работать», а они: «Докормил до усов, докорми и до бород». Наконец выросли у них бороды. Старик: «Хватит на печи валяться, пора за дело браться». Им делать нечего, запрягли лошадь, поехали за сеном.

Ехали-ехали, сбились с дороги, темно стало. Старший брат залез на дерево, увидел: далеко-далеко огонек светится. Пошел. Шел и шел, видит, избушка стоит, а в ней лежит Идолище. Говорит: «Ох ты, долгое Идолище, дай мне огонька, сбились мы с дороги». Идолище отвечает: «Скажи мне небылую былицу, дам огонька». Старший брат думал-думал, ничего придумать не мог. Пошел средний, начал что-то говорить, да правду, Идолище его выгнал. Пошел младший. «Ох ты, долгое Идолище, дай мне огонька, сбились мы с дороги». Идолище в ответ: «Скажите небылую былицу». — «Ладно, только уговор: не пресекет. Кто пресекет, у того из спины ремень и до конца, чтобы с петелькой». Идолище согласился и младший начал: «Жили мы в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, в том, в котором мы живем, под номером седьмым, где мы сейчас сидим. Родитель был у нас высокий

⁷ Сюжеты: № 1, 2, 4, 21, 43, *61II, 103 *122, 158, 212, *241III, *282; см.: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

пан, было у него сорок сынов и сорокопегая кобыла: каждый, если надо ехать, на свою пежину садился. А моя-то пежина была под хвостом. Комар меня не ел, а мух она хвостом отгоняла. Один раз поехал я и заехал в болото. Хлестнул кобылу гороховым хлыстиком, кобыла-то и порвалась. Начал я ее шивать таловыми вицами, и выросли на кобыле кусты, а в них стали летать утки, а за утками повадились волки. Я волков настрелял, шкуры содрал. Узнал, что на небе боги босы ходят, начал шить большим богам по сапогам, а маленьким — по обуточкам. Сделал лестницу, полез на небо, отдал, а лестницы уж нет. Как спуститься? Смотрю, мужик трубку курит, я — дым ловить да веревку вить. Свил, начал спускаться, тут веревка порвалась, я полетел, в болото пал. Лежал-лежал, встал, осмотрю, ящик. А в ящике письмо, а в письме написано, что мой батюшка на твоём верхом сзидл».

«Врешь!» — закричало Идолище. Нарушило уговор. Парень вырезал у него ремень, взял огонь и пошел.

В числе знатоков сказки может быть назван также Б. И. Давыдов, 70-летний житель д. Чандыри Тавдинского р-на. В его репертуаре есть волшебные (№ 300А, 303, 315, 502, 530А), но излюбленными являются все-таки бытовые, сатирические, в которых ленивая, завравшаяся жена, недалекий барин или поп, враль и вор, всегда терпят фиаско. Ряд его сказок представляют контаминацию сюжетов об обманутом черте (великане) (№ 1003, 1006, *1006 1, 1009, *1012 1, 1045, 1062, 1063, 1071). И еще Б. И. Давыдов — великолепный рассказчик народных анекдотов. С большим умением он, например, рассказывает анекдоты о глупцах — как они доят кур, тащат корову пастись на крышу, носят дым решетом. Приведем одну сатирическую сказку, записанную от Б. И. Давыдова. Он ее помнит с детства.

В деревне жили бедно: как весна, все мужики уходят на сплав. И в этот год так же получилось — собрали сходку, составили бригады и подались. Ни одного мужика не осталось в деревне, только поп. И тот сколько-то дней пожил и помер. Бабы — к попадье:

— Ты замуж будешь выходить за нового батюшку или как?

— Нет. Ищите себе попа.

Дождались мужиков. Сходку собрали, чтоб попа выбрать. Перебирали, перебирали... Один ростом не вышел, у другого борода как мочало, третий никакую юбку не пропустит. Кто-то из мужиков:

— А выберем Евстигнея, у него голос что надо: на сплаве по заре как крикнет «Приваливай!», а утром — «Отваливай!», так на сколько верст слышно!

— И правда. Голос у Евстигнея знатный: если заведет молитву, никто не уснет, — судят мужики.

На том и решили: быть Евстигнею попом.

На другой день в церкви яблоку негде упасть — интересно ведь, как новый поп служить будет. А Евстигней — мужик и есть мужик, всю жизнь по крестьянству да на сплаве, что он знает... Ходит, кадиллом машет и одно что: «Приваливайте, приваливайте, приваливайте». Все слушали-слушали, бабы шептаться начали, мол, голос хороший да молитва не понятна. Евстигнею, видно, и самому надоело, а что делать, не знает. Вот вынес евангелие.

— Миряне, эту книгу читали?

— Читали!

— Ну так отваливайте, отвайте.

Мужики — из церкви, бабыными.

На другой день мужиков-т-церкви почти нет, одни бабы. А Евстигней: «Приваливайте, приваливайте, привайте». Бабы кричат:

— Ты бы хоть про Ивана-кителя почитал.

Он вынес Евангелие, поднят головой.

— Миряне, эту книгу читал

— Нет, ты нам почитай.

— Сторож, затворяй двери, эго не выпускать, будем неделю читать! -- кричит Евстигней.

А народ скорей бросился крям, тут Евстигней вслед: «Отваливайте, отваливайте».

Татьяна Парфеновна Сесева, из д. Верхние Тормоли Тавдинского р-на, приехала нрал в начале 30-х гг. вместе с матерью, которая была, видинезаурядной сказочницей. «Бывало, вечером к маме моей соблись мужики, бабы, ребятишки — сказки слушать, — говорит П. Самусева. — Она много знала, одну сказку могла весь вер рассказывать. Она умела собирать сказки. Я которые из ее скк запомнила, которые нет. Померла она перед войной. Как эвг Елизавета Филипповна Прусова. Я тоже рассказывала. И вках, и потом, когда замуж вышла. На вечер соберемся пряста ткать, так нарассказываешья. Раньше умела собирать лу, сейчас много забылось, только внукам сказки говорю».

Т. П. Самусева рассказать широко известные сюжеты: «Волшебное кольцо», «Морозко», «Царевна-лягушка», «Одноглазка, Двухглазка, Трехглазка», «Ян-царевич и серый волк», «Марк богатый» и др. Повествует довольно обстоятельно, сохраняя повторы, поэтические формы. Чувствуется, что она с удовольствием погружается в замыслую сказочную фантастику, дорожит ею. Иногда после скаания выражает свое отношение к героям. Про серого волка, дгающего Ивану-царевичу, сказала: «Он чудесный волк, в жизниких не бывает»; про Ивана-дурака: «Вот Ивана все дураком эг. Думаешь, он правда дурак? Он умнее нас с тобой, он хитр как проходимец. Таких раньше много было».

Вообще, следует заметитто сейчас редко встречается подобное восприятие волшебной зки. Т. П. Самусева почти верит в сказки, по крайней мере, верит в чудесные превращения, только они относятся ею к шедшему: «Это раньше было». Чудесное для нее вполне возмо. Видимо, поэтому она толково и серьезно рассказывает лецы и былички.

Когда мы впервые при к ней и попросили вспомнить и рассказать несколько сказона, смеясь, ответила: «Днем сказки рассказывать нельзя — короз лесу заблудится»; чуть позже, но во время первой же встречДнем будешь сказки говорить — сорока глаз выключет». В ее ах это была шутливо-стеснительная форма «отнекивания», но нзя не видеть в подобных репликах когда-то существовавших, нперь уже переосмысленных элементов запрета на рассказыванказок.

* *
*

Новых сказочных сюжетов нам записать не удалось. Трудно их ждать в настоящее время, так как сказка связана своим расцветом с феодальной эпохой. Но сказка не исчезла, она жива, хотя сузилась сфера ее бытования. Емкость этико-эстетического потенциала сказки обусловила ее жизнеспособность.
